

Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году в городе Коростене Житомирской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Работал журналистом в воронежских изданиях, главным редактором журнала «Воронеж: Время. События. Люди», заместителем председателя правления Воронежской организации Союза писателей СССР. Автор десяти книг прозы. Лауреат премий «Кольцовский край», журнала «Берега», награжден медалью им. В.М. Шукшина. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Сергей Пылёв

НЕБОЕВЫЕ ПОТЕРИ

Повесть

Заведующий кафедрой самолетостроения Воронежского университета профессор Георгий Владимирович Шаталов родился в Украине в конце сороковых. Тогда там в самом разгаре была борьба с бандеровцами, и его отец Владимир Шаталов, командир эскадрильи штурмовиков Ил-2, каждый день вылетал на бомбежку укрывшейся в западных лесах украинской повстанческой армии.

Ныне отметить свое семидесятилетие Георгий Владимирович готовился, когда в тех краях опять начались сражения, но теперь уже с нынешними сторонниками Степана Бандеры: в ответ на многолетний, с 2014 года, смертоносный обстрел Донбаса Россия вынужденно объявила о начале специальной военной операции в Украине.

Через неделю зять Шаталова Костя Гребнев вместе с его дочерью Машей, не советуясь, уехали в Казахстан. Кажется, в Уральск, да еще на такси за 40 000 рублей, чтобы миновать пробки на границе. Кажется, потом они рассчитывали перебраться во Вьетнам?..

Такой международного масштаба культурный бит никак не укладывался в голове Шаталова, но кто бы его послушался? Между прочим, об этом головокружительном решении их дочь объявила эсэмэской уже с той стороны казахстанской границы. «Папочка, не

падай в обморок. Покойная мамочка нас бы поняла, постарайся это сделать и ты. Мы уехали из России. Мой милый Костик никак не желает променять меня на окопную жизнь. Потом же, папочка, от войны подальше рожать мне будет спокойней, — попыталась как-то по-человечески оправдаться Маша, которая уже была на пятом месяце. — А Костику все равно, в какой стране работать. Хоть на необитаемом острове. Он же — айтишник! Это что-то вроде ваших былых космополитов, только у айтишников нет никаких идей насчет мирового гражданства, а есть приличные заработки!»

«Вы поставили меня в весьма нехорошее положение своим бегством... И почему именно Вьетнам? У меня там, кстати, знакомый был в командировке и погиб от какой-то неизвестной инфекции!» — тревожно написал Георгий Владимирович.

«Мы — молодые люди! Мы по-своему видим этот мир! И имеем полное право ехать, куда пожелается!» — дерзко ответил за жену Костик.

«Молодость не порок, но чересчур быстро излечивается...» — только и нашелся как отозваться Георгий Владимирович.

Однако увещевания явно не подействовали. Дети как в лету канули.

Отныне день ото дня Георгия Владимировича не оставляло обостренное ощущение, что он все свои немалые годы двигался в одном направлении по некоей исторической ленте Мебиуса. И теперь из-за такого странного бесшабашного отъезда дочери он, в конце концов, словно каким-то загадочным образом оказался в начальной точке своего непростого путешествия, длиною в жизнь. Это было более чем неприятное, даже, откровенно говоря, тревожное и весьма болезненное ощущение напрасности всех своих прошлых и нынешних дел и помыслов.

Как-то в конце мая две тысячи двадцать второго года Георгий Владимирович, открыв дачный сезон, заметил, что на расположенном здесь неподалеку военном аэродроме чаще обычного стали взлетать знаменитые сверхзвуковые «сушки»-бомбардеры и брать курс в одном и том же направлении. В каком, догадаться было нетрудно. Они с равным интервалом один за одним, с каким-то неземным апокалипсическим рокотом турбин, сурово продавливали небо у него над головой.

Со строгим волнением глядел им вслед Георгий Владимирович. Памятуя, как в детстве летом по выходным в любую погоду, бывало, ездил на трамвае к этому же аэродрому и устраивался в одной из воронок, оставшихся здесь после боев в Великую Отечественную, — и ждал возвращения самолетов с полигона, слушая небо, слушая жаворонков и сусликов, казалось, безвозвратно исчезнувших какое-то время назад, но так же неожиданно вновь появившихся. Тогда на этом аэродроме стояли совсем другие самолеты: длинноносые «двадцать пятые» Яки, — всепогодные истребители-перехватчики, и фронтовые бомбардировщики Ил-28.

Когда они, идя на посадку, проносились над Жориком чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, он приветствовал самолеты неистовыми аплодисментами. Ничего удивительного. Жорик мечтал стать летчиком-истребителем. Очень мечтал. В аэроклуб ходил, уже научился парашют укладывать. Да быстро вырос. И вширь, и ввысь явно более чем полагается для пилота «ястребка».

Глядя сегодня на эти уникально совершенные машины, Георгий Владимирович невольно испытывал самый настоящий стыд за свое отстраненное, укромное место в стороне от боевых событий.

Вернувшись домой, он не сразу включил на компе «Новости». Только после второй рюмки коньяка, вроде как снимавшего напряжение,

вызванное тем, что он, когда-то служивший в армии человек, старший сержант запаса, сейчас сидит мякина мяжиной в кресле, в то время как там, на передовой, парни гибнут, сдерживая неонацистов, жаждущих уничтожения всего русского, а прежде всего самих русских. Он еще вполне способен держать оружие в руках. Так сказать, готов к труду и обороне. Да только кому ты нужен, дед...

Когда на мониторе появлялись лица командиров нынешних бандеровцев, всякий раз Георгий Владимирович сурово, обостренно вглядывался в них. Он надеялся увидеть в этих людях скрытое, пусть подспудное, но раскаяние за те ракеты, снаряды и мины, что день за днем летят с их стороны на головы мирных жителей Донбасса, Луганска или, как вот теперь, — еще и российских сел в землях курских да белгородских и брянских. А, главное, он надеялся увидеть в них ИДЕЮ, которая заставляла так безбожно поступать. Но всякий раз он видел в них своим опытным учительским оком что-то странное, почти нелепое: это были физиономии пацанов из тусовки в каком-нибудь провинциальном затрапезном баре, иногда разъяренные, иногда пофигистские, часто хулигански-нахальные, но никак не лица защитников высших духовных принципов, борцов за правду. Героическое начало в них напрочь отсутствовало, а довлекло какое-то туповатое высокомерие.

При всем при том Георгий Владимирович вполне понимал, что его нынешнее желание быть сейчас в Украине вместе с нашими бойцами не более чем самообольщение, чуть ли не самая что ни на есть напыщенная рисовка перед самим собой.

Шаталов сдержанно усмехнулся, представив, как бы на самом деле могло выглядеть его появление в военкомате с просьбой об отправке в зону спецоперации. Его там, скорее всего, приняли бы за выжившего из ума старикашку, самолюбиво тешащего себя псевдофантазиями. А взяв в руки его военный билет и перелистав, сотрудники военкомата, как говорится, попадали бы от смеха. С первого взгляда все было в нем как бы вполне нормально и соответственно. Но на двенадцатой странице военно-учетная специальность Георгия Шаталова обозначалась так: начальник библиотеки. И это соответствовало действительности: он реально служил библиотекарем полкового офицерского клуба и до сих пор даже помнил из той своей солдатской жизни одну сугубо политическую акцию: как-то командиру полка, батю, сверху было велено в карточках всех читателей, коих имелось на то время в полковой библиотеке не менее тысячи, срочно представить, как прочитанную, книжную трилогию Генсека КПСС Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Целина» и «Возрождение», а также провести по этим произведениям с должным размахом читательскую конференцию. Эта задача была подготовлена и выполнена рядовым Шаталовым в сжатые сроки за несколько бессонных суток. Каково же было через двадцать лет услышать ему от директора их университетской библиотеки (уже при Горбачеве и Яковлеве), что эти книги Леонида Ильича было велено до последнего экземпляра тайно уничтожить.

Однако высший комизм библиотечной «одиссеи» Георгия Владимировича заключался в другом: в его военном билете в разделе «Заключение командования части об использовании в военное время» стояла загадочная запись: старший библиотекарь. Не больше и не меньше. Но кому понадобится на передовой этот некий старший (!) библиотекарь?

«Если припрет, так мне лишь одна дорога светит — в партизанский отряд!» — посочувствовал сам себе Георгий Владимирович.

Он поставил перед собой портрет отца в летной военной форме давних пятидесятых лет. Того самого времени, когда отец уже был начальником штаба Липецкого авиаполка. Шаталов долго, сосредоточенно смотрел на его профиль. Года три назад, до ковидной пандемии, он прошел с этим портретом, украшенным георгиевской ленточкой, в бесконечной плотной толпе «Бессмертного полка» по воронежскому проспекту Революции. Взгляд отца на снимке сосредоточен и спокоен. Это взгляд офицера, достойно исполнившего свой воинский долг и отчетливо сознающего, что жизнь его имеет высший смысл...

Среди ночи дерзко, неприлично напрягая все и вся, вдруг ударил телефонный звонок. Пока Шаталов замедленно соображал, что и к чему, пока до него, наконец, дошло осознание необходимости так-таки встать и ответить, ибо ни с того, ни с сего в столь позднее время не тревожат людей, телефон словно с мстительной обидой замолчал. Мол, можете теперь не дергаться. Хотя я знаю, что сна у вас не будет до самого утра.

И все-таки звонок повторился. И был на этот раз более смирным, почти покладистым, точно одумался, осознал, каково сейчас тем, кто слышит в ночи его разяще бьющую во все стороны дробь.

«Неужели с Машей случилось что-то нехорошее?!» — спотыкаясь, теряя на ходу свои тапочки, мохнатые, словно некое живое существо, горячечно, перенапряжено думал Георгий Владимирович.

Ему казалось, что он не идет сейчас по дубовому паркету своей квартиры, а, как в детстве, в валенках с блескучими черными галошами, раскорячившись на полусогнутых, вертляво летит куда-то вниз, в темный неведомый провал по ледяному ухабистому склону горы в городском парке «Динамо».

— Слушаю... — надрывно прохрипел Шаталов в трубку.

— Папа, что с тобой? — услышал Георгий Владимирович строгий, требовательный голос дочери.

— Все в порядке, доча, это я спросонья едва не подавился собственным языком.

— Глупости не городи! — отчетливо вскрикнула Маша. — Тебе бы наши проблемы!

— Я вас туда не посылал.

— Знаменитая фраза. Не помню, чья. Только из-за таких, как вы, неудачливых строителей мифического светлого будущего, мы вынуждены искать счастья на чужбине! — Голос дочери зазвучал исключительно строго. — Тебе надо сейчас немедленно ехать на нашу квартиру.

— Не понял...

— Мы закрутились с отъездом и в суете забыли пристроить кому-нибудь нашего Джека!

— Ничего себе!

— Теперь Джек своим беспрестанным несносным воем поставил на уши весь дом! Нам позвонили: соседи хотят взломать дверь и убить моего любимого песика! Мерзавцы! Бедный Джек!

Георгий Владимирович напряженно затих, как при внезапном сердечном сбое.

— Ладно, еду... — тихо проговорил он. — Только куда я потом дену вашего Джека?

— Не чуди, папа! — взвизгнула Маша. — Ты, слава богу, держал в своей жизни собак пять или шесть. Я помню, ты рассказывал.

— У меня их было всего три, — вздохнул Шаталов. — Легавая, пудель и самая любимая — Аманда, сенбернар.

— Вот-вот... Так что сам справишься с Джеком. Он такой милашка! Я его очень люблю! Кстати, мы уже не в Казахстане, а в Тбилиси. Сняли прекрасную квартиру с видом на Казбек!

— То есть вы возвращаться не собираетесь?

— Мы хотим для нашей семьи благополучной цивилизованной жизни. В России это невозможно.

— Волн новой эмиграции?.. Или банальное предательство? — построжел Георгий Владимирович. — А как же дым Отечества? Как известно, на чужбине счастье невозможно.

— Оставь свои просоветские агитационные причитания для психов! — хмыкнула Маша. — Интернет сделал единым домом всю нашу планету. Пока, милый папочка. Я и Костик идем ужинать в ресторан. Кажется, «Кахелеби»? Я потом расскажу, что мы там ели!

И добавила тихо, почти заговорщицки:

— Ты только, как в квартиру зайдешь, не пугайся...

Георгий Владимирович напрягся:

— Я что, не знаю, как с собаками надо обращаться? К тому же ваш Джек всего-навсего трехмесячный щенок! Какие проблемы?

Таксист всю дорогу горячечно, сбивчиво говорил, сколько его друзей суматошно «рванули» на Запад, а кое-кто так даже во Вьетнам, чтобы не попасть под частичную мобилизацию.

Только было непонятно, он им сочувствовал или осуждал?

В любом случае, Георгий Владимирович первый раз в своей постстуденческой жизни не заплатил таксисту свыше тарифа. Ну, вот не захотелось!

Подходя к тому самому дому (вполне приличной свежей панельке с бодрой весенней сине-бело-зеленой расцветкой высотных стен), в котором еще недавно жила в съемной квартире его дочь с этим шустрым не в меру Костином, Шаталов строгим, даже сердитым взглядом бдительно нашел их окна на неблизком тринадцатом этаже. И неожиданно сделал для себя достаточно убедительный вывод: никакого истошного лая Джека не было и в помине. Ни лая, ни подвывания, ни скулежа.

Георгий Владимирович уже было хотел вернуться восвояси, но разумно передумал.

«Все же надо подняться. Мало ли что?»

Его решение не смог поколебать даже тот факт, что здешний лифт, увы, не работал. Так уж почему-то у нас водится именно в новых домах. То лифт здесь намертво станет на месяц-другой, то воды неделями нет, то мусоропровод на замок закроют или вовсе заварят его люк корявой змейкой наскоро наложенного шва.

Прежде чем начать свое малоприятное альпинистское восхождение на достаточно высотный для него этаж, Георгий Владимирович еще раз бдительно прислушался. Да, Джека не слышно. Зато со всей звуковой очевидностью некие жильцы отчаянно и гадко ругались, сопровождая свои изысканно матерные крики судорожным грохотом непонятного происхождения. Одним словом, невидимые миру слезы лились ручьями за окрашенными в веселые тона подъездными стенами.

На седьмом этаже Георгий Владимирович долго стоял, прижавшись плечом к стене.

И вот наконец он возле квартиры, в которой еще недавно жили Маша

с Костиком. Джек явно безмолвствовал. Не скулил, не скребся лапами в могучую железную дверь, какой самое оно закрывать вход в убежище, рассчитанное на прямое попадание атомной бомбы.

Георгий Владимирович из последних сил машинально позвонил в дверь и уныло усмехнулся. Никаких эмоций со стороны Джека опять-таки не последовало.

Тем не менее, когда он с третьего, вернее даже с пятого раза наконец заставил ключом сработать непривычный замок с разными особыми секретами, Шаталов увидел перед собой то, что менее всего ожидал. Вернее, вовсе не ожидал. И ни при каких усилиях своей достаточно богатой профессорской фантазии додуматься до подобного казуса не мог бы.

В коридоре перед ним с Джеком на руках стоял человек. И это был явно молодой человек. Джек, коричнево-белый щенок французского эпаньоль-бретона, лежал в какой-то странной позе. Притом еще и неестественно оскалившись.

Джек обычно встречал Шаталова вертко, со счастливым визгом. Он столь стремительно нырлял ему под ноги, прыгая то спереди, то сзади, что Георгию Владимировичу невольно казалось, что его встретила не одна собака, а целых две или три.

— Добрый вечер... — с трудом проговорил он, словно это были первые слова, сказанные им в этой жизни. — Хотя, какой он к лешему, добрый. Кто вы, юноша?

— Это мой самый мерзкий день... — судорожно, почти детским голосом отозвался молодой человек и всхлипнул, икнул и снова всхлипнул. Он, кажется, плакал.

Только сейчас Шаталов понял, что Джек мертв.

Георгий Владимирович отчетливо побледнел.

— Я сейчас все вам объясню... — гундосо промямлил молодой человек. — Я — Гриша. Друг Костика. Ваша дочь тоже хорошо знает меня. Прошу вас, не выдавайте меня, пощадите, пожалуйста.

— Что с собакой?! — требовательно вскрикнул Георгий Владимирович. Фраза, им произнесенная, прозвучала емко, туго. Откровенно говоря, он не ожидал от себя, что может быть так суров.

От такого напора со стороны Шаталова Гриша невольно отшатнулся в сторону, словно получил самую настоящую увесистую оплеуху.

— Он так громко лаял... — слезно проговорил молодой человек. — Я испугался, что дверь могут, в конце концов, открыть или взломать. А я второй день прячусь здесь от призыва... Вот моя повестка.

Он робко протянул Шаталову какой-то истерзанный листок. Тот был весь так странно измят, замусолен, словно его усердно жевали. Вполне возможно, что Гриша безуспешно истерически пытался съесть это военкомовское извещение, призывавшее его исполнить воинский долг. Между прочим, священный долг.

— Дрянью... — глухо постановил Георгий Владимирович. — Тебя бы показательно расстрелять, да мы в подлый либерализм заигрались. И как только хозяйка квартиры тебе разрешила тут прятаться?

Гриша сдавленно вздохнул:

— Она живет в Нью-Йорке и квартиру сдает по Интернету. А Маша мне разрешила здесь отсидеться. Давайте ей позвоним!..

— Пошел вон... — судорожно проговорил Шаталов.

— Извините... Песик так лаял! Мне было страшно. И я зажал ему пасть. Я не хотел его убивать! Так само собой случайно получилось!

— Брысь, смартфонщик плюгавый! Пока я тебе морду не набил...

Оставшись один, Георгий Владимирович заметил в коридоре впопыхах оставленный Машин рюкзак с пристегнутым к нему плюшевым та-лисманом — черной обезьянкой.

Вывалив из рюкзака кучу всяких разных женских придамбасов, он аккуратно уложил в него Джека.

Джек был еще чуточку теплый.

— Прости... — сказал тихо, но внятно Георгий Владимирович.

Правда, слез не было и в помине. Все, что сейчас происходило с ним вокруг, словно напрочь заблокировало его чувствительные рецепторы.

Георгий Владимирович решил похоронить собаку. Кажется, рядом был какой-то заброшенный парк или остатки некоей куцей рощицы.

Самое сложное оказалось найти в Машинной квартире лопату. Молодежь есть молодежь. Разыскивая хотя бы нечто похожее на шанцевый инструмент, Георгий Владимирович обнаружил все, что угодно, но только не ее: несколько старых смартфонов, кошелек с забытыми в нем пятью тысячами, а также гору импортных пивных бутылок, кучу картонных коробок из-под пиццы и почти полностью сдувшиеся воздушные шарики со смешными, карикатурно перекореженными рожицами.

В конце концов, Шаталов взамен явно не существующей в этом доме лопаты взял в коридоре вместо нее никелированный железный рожок для обуви. Был тот достаточно длинный и, судя по надписи на его упаковке, еще и кованый. Ко всему изготовитель утверждал, что использовал суперпрочный металл.

Шаталов только усмехнулся такому наглому рекламному утверждению.

Через полчаса, когда Георгий Владимирович приступил копать могилку для Джека в здешней чудом уцелевшей рощице, подсвечивая себе фонариком телефона, рожок, как и следовало ожидать, оказался самой настоящей туфтой. Через раз его приходилось выпрямлять с помощью каблука. Правда, хоть в одном Шаталову повезло: оказывается, он, сам того не подозревая, набрел на самое настоящее, хотя и явно самопальное, кладбище домашних животных. Холмик на холмике бугристо топорщились вокруг на тесной полянке. Почти все могилки были с фотографиями питомцев, а некоторые так и вовсе представляли из себя образцово-показательные захоронения с мраморными плитами и скульптурными изображениями почивших в бозе кошечек, собак, хомячков или ручных крыс. Среди подобных памятников особенно выделялся гипсовый крокодилчик по имени, само собой, Гена.

Дома Шаталов, отсидевшись с полчаса в своем любимом пухлом кожаном матово-серебристом кресле и выждав, пока уймется, наконец, дрожь в руках от старательного копания земли на корточках, помянул Джека своим любимым «Ноем», удивительно сочетавшем аромат ванили, сосновой смолы и осеннего дубового леса.

Шаталов несколько раз видел эту ночь, как у него под окнами по дороге быстро, сосредоточенно и достаточно грозно проходили колонны военных зачехленных машин. Но особенно впечатлил и взволновал его тяжеловесно прогромыхавший по «железке» примерно в километре от его «хрущевки» состав из вагонов-платформ с танками.

«Победа будет за нами!» — строго проговорил сам себе Георгий Владимирович.

Начавшийся новый день был однозначно особым: небо раскрылось

над Воронежем масштабное, зримо высокое и с какой-то словно затвердевшей, рукотворной синевой. Георгий Владимирович, глядя на всю эту чудесность, так-таки помнил, что сегодня 14 октября 2022 года. То есть человечество дожило до шестидесятилетия Карибского кризиса между США и СССР, имевшего место быть в далеком 1962-м. Тогда два великих государства вышли на грань атомной войны.

Шаталову в ту кризисную пору исполнилось девять лет. День за днем они, дворовые мальчишки, шепотом передавали друг другу, неведь как ставшие им известными, государственного уровня секретные сведения про наши подводные лодки и корабли, доставившие на Кубу советские ракеты и ядерные боеголовки к ним.

Как же здорово исполнял тогда в 1962-м молодой Иосиф Кобзон песню «Куба — любовь моя!» Слышишь чеканный шаг — это идут барбудос; небо над ними как огненный стяг... Родина или смерть! — это бесстрашных клятва. Солнцу свободы над Кубой гореть! Родина или смерть!»

Кстати, именно тогда на школьный двор однажды по самой что ни на есть непонятной причине (поговаривали, будто на металлолом) привезли корпус самого настоящего реактивного истребителя МиГ-15, и он простоял там чуть ли не год, невольно стимулируя у мальчишек желание непременно учиться на летчиков. Этот МиГ был явно из серии тех, что еще недавно успешно дырявили своими пушками американские «Сейбры», «Мустанги» и летающие крепости В-29 в конфуцианском небе Кореи.

С воцарением на школьном дворе серебристо сияющего МиГа пятиклассник Жора, он же ныне профессор Георгий Владимирович Шаталов, целыми днями не вылезал из кабины ястребка, напрочь забыв про футбол, жожку, бе-бе или ту же пристеночку. Уроки нет-нет да и те пропускал. Тем не менее, летчиком, как его отец, он в итоге не стал. Природа свое взяла. Она старательно день за днем лепила из Жорика нечто ей самой более от него надобное — заведующего университетской кафедрой самолетостроения, типичного технаря-профессора. Неспроста уже через несколько лет главный инженер Воронежского авиазавода разглядел достойный талант в молодом студенте политеха Георгии Шаталове и привлек его к сборке первого в мире сверхзвукового пассажирского ТУ-144.

Днями на кафедре настроились отметить новый праздник — День вузовских преподавателей. Обыкновенно Шаталов таким инициативам препятствий не устраивал, а тут как-то весьма отстраненно отнесся к этой идее. Явно с напряжением.

— Что Вы, дорогой Георгий Владимирович, темнее тучи? Поднимем за наш праздник чашу с добрым массандровским вином, и все проблемы на раз улетучатся! — достаточно изысканно, но определенно витиевато проговорил молодой, но весьма перспективный доцент Антон Смышляев.

Бодро розовощекий, но определенно в меру, без излишней пылкости, Антон Андреевич с достоинством огляделся по сторонам, как бы ища поддержку в глазах коллег. Он молодцевато поправил на себе стильный короткий пиджак в крупную клетку. При всей своей эффектности пиджак явно был из бюджетной серии, кажется, кашемировой.

— Я бы не рекомендовал Вам ныне праздничать... — сдержанно отозвался Шаталов на сердечный, коллективистский призыв доцента Антона Андреевича Смышляева. — И не только сегодня. Извините, ход нынешней мировой истории не располагает к веселью.

Смышляев побледнел. Он сейчас явно чувствовал себя способным управлять даже колесом истории. Этому однозначно и эффективно спо-

существовало то, что они на кафедре до возвращения Георгия Владимировича с лекции успели продегустировать пару емкостей весьма недурного крымского портвейна «Черный доктор».

— Кстати, Георгий Владимирович, а как себя чувствуют ваши детки, днями сбежавшие из России в братский Казахстан подальше от военной спецоперации?! — с резкой разэтаккой улыбкой проговорил Антон Андреевич.

Смышляев в своем темно-сером клетчатом пиджаке невольно напомнил Шаталову гранату, из которой выдернута чека. Остаются секунды, чтобы ее стремительно метнуть в цель.

Кажется, вся кафедра в эту минуту смотрела на своего шефа и Смышляева. На Георгия Владимировича с явным состраданием, на Антона Андреевича тревожно, с недоумением, так, словно видели этого человека впервые. Не проявили своей оценочной позиции лишь те несколько сотрудников, которые уважительно, почти вдохновенно переувлеклись замечательным марочным «Черным доктором» — им явно не было никакого дела до геополитических страстей. Как, впрочем, и всех иных.

— Прошу извинить меня, Антон Андреевич, — тихо проговорил Шаталов. — Однако Вы напросились. И с чрезмерным усердием. У меня нет выхода. Я просто обязан пойти навстречу Вашей настойчивой просьбе. И дать на нее полноценный ответ.

Георгий Владимирович неспешно, отчетливо, но вовсе не сильно, просто-таки с чрезвычайной аккуратностью опустил свою ладонь на розовощекое пространство доцента Смышляева.

— Это рукоприкладство вам так не пройдет!.. — голосом, переходящим от первоначального вскрика к глухому, неясному шепоту произнес Антон Андреевич. — Свидетелей Вашего отвратительного поступка здесь более чем достаточно, милейший! Ждите народного гнева!

Однако тот не состоялся. Более того, сотрудники кафедры, тотчас начавшие один за другим очень неспешно выходить в коридор, считали необходимым на прощание со всей очевидностью уважительно пожать руку профессора Шаталова.

Тот отвечал, смущенно недоумевая:

— Я же человека ударил...

— Вы подлеца поставили на место! — раздавалось в ответ.

В итоге Смышляев всему произошедшему хода не дал, более того, он вскоре перевелся на другую кафедру. Говорили, будто бы Шаталов прилюдно просил прощения у Антона Андреевича, а тот чуть ли не со слезами признался, что вся вина за ним и что его определенно занесло на волне обостренных переживаний за беды, свалившиеся на голову нынешней, усеченной ковидом цивилизации.

Как бы там ни было, Георгия Владимировича днями видели в рамонских Чертовицах. Но привлекли его в это село не тамошние достопримечательности. Такие, скажем, как старинный дворянский дом Тулиновых-Толстых, его четыре массивные колонны в стиле былого классицизма, прекрасный графский парк или знаменитая Баркова гора.

Шаталов время от времени приезжал сюда, чтобы исповедаться в здешнем почти трехсотлетнем храме во имя Архистратига Михаила, называемом многими «белым каменным цветком» здешнего села. На этот раз Георгий Владимирович провел в храме почти полтора часа, вдохновенно общаясь с нынешним настоятелем, своим старинным университетским другом, а теперь отцом Сергием.

Неизвестно, о чем они говорили, да и нет смысла докапываться, но одно понятно, что это была далеко не встреча однокашников. После нее Шаталов еще долго бродил вокруг храма по здешнему кладбищу, переполненный волнующей глубинной осознания высшего смысла жизни, каким его всегда одаривала встреча с отцом Сергием. Хотя говорили они о предметах разных, порой касались самых, казалось бы, бытовых мелочей, но из всего этого, как поднимается из чернозема стебель пшеницы или ржи, поднималось для Георгия Владимировича понимание вселенской значимости всякого каждого человека, ибо пропавших людей не бывает.

Как обновленный, как впервые выходящий этот мир Георгий Владимирович потом еще долго стоял на Барковой горе, вглядываясь в безбрежные лесные дали за рекой Воронеж, среди которых первостатейно торжествовали осенние тяжелоцветные, горделивые красно-бордовые и золотисто-серебряные сполохи.

Вернувшись домой, Георгий Владимирович прямо в обуви, нахватавшись подошвами осенней грязи и листьев, в мокрой шерстяной шапочке, в столь же мокрой блестящей ветровке поспешно направился к книжным стеллажам.

Тут он без долгих поисков, на раз, с особым почтительным чувством вынул из тесных рядов книгу святителя Луки Войно-Ясенецкого «Я люблю страдание...» На ее затертой обложке, на замятых страницах во всей очевидности присутствовали признаки того, что сей труд далеко не из тех, которые залеживаются невостребованными. На форзац-листах, на полях было множество цитат, в разное время старательно вписанных сюда Георгием Владимировичем с помощью самых разных подручных средств, какие только попадались ему под руку: когда любимая чернильная перьевая ручка «Паркер», когда обычная шариковая, а то и вовсе карандаш, простой или цветной, иногда фломастер.

Георгий Владимирович не сразу нашел еще остающееся свободное место и пусть накосом, мелкими буквами записал так взволновавшее его в сегодняшнем разговоре с Заруцким слова батюшки: «Вера в Бога помогает сохранить связь земного и небесного, придает существованию человека смысл».

Шаталов машинально перекрестился. Да, он не был атеистом. Как известно, подобное состояние жизни без веры невозможно для нормального ученого, а он именно таким и был. Ибо в поисках высшего научного смысла в той или иной области, если настойчивому усердному исследователю повезет глубоко копнуть в верном направлении, присутствие божественного начала само собой вдруг ощутимо объявится перед его растерянным взглядом. Иногда так ярко, волнующе-радостно, что оторопь берет. Как тут в этот миг без вдохновенной молитвы?!

Чем же провинилось ныне человечество, какой грех, не подлежащий замаливанию, свершило, что ему теперь так наглядно, во всей очевидности приходится видеть нелепый культизм, когда ныне страны, некогда спасенные нами от фашизма, этот фашизм в его новом обличии сделали своей сущностной основой наряду со своими принципами похотливой свободы?

Словно в поисках ответа на этот сакральный вопрос, Шаталов бережно взял в руки фотографию деда Ильи. Эдак в году тысяча девятьсот семнадцатом некий фотограф запечатлел Илью Захаровича на венском салонном стуле в парадной унтер-офицерской форме с Георгиевскими солдатскими крестами 4-й степени. Весьма достойно и благопристойно сидел этот

потомок яицких казаков, скрестив отменные натуральные яловые сапоги, улыбочиво морщинистые. Ко всему пошитые по строгому правилу именно на прямой колодке и подбиты, как положено, березовыми гвоздями. Высоколобый, раскидисто бородатый и густо усатый дед важно опирался на боевую саблю в посеребрённых ножнах. Глядел на внука через многослойное вспученное время с поучительной уважительностью и одновременно — заботливым добродушием.

От этого снимка Шаталову-внуку всегда было трудно оторваться. В том виделось немало столь сложных и неразгаданных смыслов, много такого, что по новой открывает тебе самого себя и большой, требовательно испытующий мир вокруг.

Унтер-офицер Илья Шаталов, в миру столяр-краснодеревщик, умер примерно через год после Октябрьской революции, в двадцать лет, отравленный немецким ипритом в окопах Первой мировой.

Само собой, внук реально, вживе деда никогда, кроме как на этом снимке, не видел. А вот жену его, девятиностовосьмилетнюю бабушку Анастасию, — как-то довелось зреть, когда гостил у отцовой сестры, тети Кати, в Касторном-Восточном лет сорок назад. Даже сподобился тогда Георгий Владимирович бабушку Анастасию, махонькую худышечку, легкости чуть более пера гусиного, перенести с дивана на кровать. Почему-то ему тогда на миг показалось, что, если бабушка Анастасия еще на минуту-другую задержится в его руках, так они вместе с ней запросто могут вдруг взлететь и начать плавно, зачарованно кружиться над родными ей местами, все более и более набирая небесную высоту.

«Володенька, не урони, неси аккуратней, Володенька...» — шептала бабушка на руках у Шаталова-младшего голосочком с особыми, как бы уже неземными высшими интонациями, какие разве что от монахов можно услышать, кои на пути к спасению уже прошли немалый путь скорбей, тягот, лишений и поношений.

«Я, Георгий, я Жора, внук ваш», — аккуратно переубеждал бабушку Шаталов.

«Хорошо, Володенька, хорошо. Как скажешь...» — смиренно улыбнулась бабушка не только всем лицом, улыбнулась и голосом, и всем тельцем своим невесомым.

Так бы с ней на руках шел и шел поныне Георгий Владимирович по жизни, и никаких бед в мире тогда бы не случилось, не посмели бы они, эти беды, перед бабушкой его Анастасией в дерзости и наглости так бороться объявиться.

Обратно в день нынешний Георгия Владимировича требовательно вернуло внезапно охватившее желание побывать на могиле Ильи Захаровича. За все свои семьдесят лет, как промелькнувшие мимо за окном вагона, он там ни разу не появился. Не свелось как-то... Но вот, наконец, накатило неумно: надо ехать, не откладывая. Не то время на дворе, чтобы оставлять на неконкретное завтра дела и заботы первостатейные. Жизнь неимоверно ускорилась, словно во Вселенной чьей-то волей установилось новое, скоротечное время. И понесло тебя, как санки под горку в детстве со снежно-льдистого крутого уклона с непременными ямами — со скрипом, болтанкой и строго стегающим по лицу сердитым морозцем.

Ехать предстояло Шаталову как бы не далеко, но и не близко — километров сто двадцать до хутора Пятиизбянного в Липецкой области, ныне доживавшего с тремя последними жителями свое окончательное

время возле тощей речушки с весьма характерным поименованием — Косой ручей. А где и когда в землях русских вы, господа хорошие, выдывали имя обжитого народом нашим места, чтобы оно звучало сухо, без особой, только ему одному присущей изюминкой? Обязательно будет оно с любой стороны эдакое мудрено-замысловатое, с озорным или заумным вывертом, с явленными в нем наружно или сокрыто многослойными непростыми смыслами: то ж Дракино, Бабка или Чулок, а в черед за ними пусть явятся, скажем, Нехаевка да вкупе с ней Воля, а от них завернем в ту сторону, которой нам никак миновать нельзя, потому что там нас встретят Банное, Заброды, а далее пойдут чередом то Коренное с Мужичьем, то Веселое с Городищем. И в плюс к ним дорогое русскому сердцу Забугорье или сельцо с исторически знаменитым, но ненашенским прозванием — Парижская Коммуна. Несть им таковым числа на земле нашей родной, чем ее радость и важность достойно укрепляются. Плетью не перешибешь прозвание любого русского сельца или деревеньки, начиненные особой значимости в своих именах, судьбийными, живыми смыслами былого эпохального облика, нынешнего раздвая и смутного будущего, — все одно будут они жить-помниться вечно и славно.

Навигатор или, точнее, некая навигаторша с заботливым красивым голосом старательно привела «волжанку» Шаталова к тому месту, откуда, как он определил еще дома по карте, от главной трассы прерывистой ниточкой отпадает проселочная дорога к Пятиизбянному. Возможно, когда-то она и была достаточно сносной грунтовкой, но сейчас представляла из себя самую настоящую черноземную размазню.

Слева и справа от такого гиблого пути, наверное, способного утопить в себе и танк, мрачным черным гуртом раскинулись до самого горизонта многие гектары мертвенно усохшего подсолнечника. Как видно, тяжелые долгие дожди этой осени, как никогда расположенной к плохой, даже гадкой погоде, не позволили уборочной технике выйти в поле. Одним словом, битва за урожай закончилась здесь полным провалом, еще не начавшись.

Так что автодорожные возможности награжденной хромированным стремительным оленем «волжанки» Георгия Владимировича были очевидно ничтожны перед подобными вселенскими хлябями.

— Сверните налево, а через триста метров сверните направо! — праздничным бодрым голосом повелела Шаталову смартфонская навигаторша.

— Да я здесь голову себе сверну! — в ответ ей натужно вскрикнул Георгий Владимирович, но тотчас озадаченно вздохнул и проговорил с очевидным смущением: — Прошу извинить меня за невольную резкость, но тут нужен вертолет. Не менее того!

Он не шутил и не забавлялся, объясняясь со штурманом из навигатора, как с реальным человеком. Лет через пять после смерти жены Георгий Владимирович начал общаться с Алисой и женским голосом навигатора, словно с живыми. Вначале как бы в шутку, для, так сказать, юмора, без которого жизнь одинокого семидесятилетнего мужика явно закиснет, а потом, погода, незаметно втянулся в сей забавный процесс каляканья с электронными устройствами, пока и вовсе с полной охоткой к нему не пристрастился.

Суматошные, жесткие хлопки старого тракторного движка вдруг взрывчато прозвучали над бескрайним панцирем неубранного из-за дождей и теперь мертвого скукоженного подсолнечника.

В сторону «волжанки» судорожными рывками подвигался гусеничный легендарный ДТ-75. Тот самый, который из-за достаточно объемного топливного бака на левом боку получил в народе специфическое прозвание — «Почтальон». Покинув лет пятьдесят назад заводские ворота эдаким румяным бодрячком, благодаря красному окрасу, он сейчас был основательно облупленный, какой-то измордовано покореженный из-за своей непростой сельскохозяйственной доли. Одним словом, трактор-старик, как у нас и полагается, выглядел замороженным донельзя.

За старым, угрюмым ДТэшкой судорожно телепалась с металлическим грохотом и клацаньем раздолбанная кривобокая колесная тележка. Самих ее колес, вернее, лысых старых покрышек, из-за глубины грязевой хлюпающей трясины видно не было. Она точно плыла по некоему густому вязкому морю. В ней у бортов в отчаянном напряжении на короточках притулились несколько человек, явно желавших одного: не вылететь наружу вверх тормашками прямоком в емкое черноземное тесто.

Наконец настырный, мужиковатый трактор, в пух и прах разрывая полевою грязюку, нахраписто и несколько косообоко, но, при всем притом, победно взрыкивая, дергаясь судорожными рывками, так-таки вывалился на главную дорогу.

Вдруг стало столь тихо, что можно было услышать, как в потревоженном черноземном месиве сочно лопаются грязевые пузыри.

— Здравствуйте, люди добрые! — порывисто, со всей своей мудрой профессорской вежливостью прокричал Георгий Владимирович в сторону людей, которые мучительно выбирались сейчас из тракторной тележки.

Ни стоять нормально даже на ровном месте, ни слова вымолвить в ответ они явно не могли. Только глазенками слезливыми судорожно помаргивали. Такая поездка, как говорится, душу из каждого вытряхнула. Теперь жди, когда она вернется восвояси. И вернется ли?..

Здесьний разномастный народ, одетый, во что ни попало, лишь бы задницу как-то прикрыть, ошалело и тупо глядел на высокую, элегантно тощую фигуру заведующего университетской кафедрой. Ухоженный, в заграничном черном кожаном пальто стотысячной стоимости и ненамного более дешевыми трендовыми полуботинками «Оксфорд», Шаталов, на фоне не попадающих зуб на зуб настрадавшихся пассажиров тракторной тележки, напоминал самое настоящее явление народу олигарха.

Георгий Владимирович широким жестом показал в ту сторону, откуда, словно из небытия, только что объявился безотказный и непрехотливый ДТ.

— Скажите, пожалуйста, там ли хутор Пятиизбянный? Или я по незнанию глубоко ошибаюсь в этом вопросе? — аккуратно проговорил Шаталов, явно стесняясь перед этими людьми своих профессорски складных и витиевато-мудреных интонаций.

Ощутившие, наконец, под ногами твердую непоколебимую основу пассажиры тракторной тележки глядели на него с такой почти детской растерянностью на своих измученных, перекореженных лицах, потерявших всякие человеческие признаки, что ему показалось — еще минута, и эта толпа растворится в воздухе, истает, потому что живет насильно там, где нормальному человеку быть вовсе не полагается. Они виновато и недоуменно пытались понять, что сейчас так высокопарно проговорил им этот странный немолодой мужик из черной, начальственным блеском сияющей «волжанки».

— Ну, там Пятиизбянное... А чего тебе?! — вдруг резко, бдительно отозвался за всех пожилой, подозрительный тракторист. Как будто отечески заступился за своих им же измученных пассажиров.

— Я еду на тамошнее кладбище, — поспешно объявил Георгий Владимирович. — Хочу посетить могилку своего дедушки Ильи Захаровича Шаталова.

— Мы только что оттуда, с похорон. Последнего пятиизбяшника земле придали... — вздохнул тракторист и трижды усиленно высморкался, резко отвернувшись от растерянно моргавшего Георгия Владимировича. — Видал, как мы ехали, будто по штормящему морю рыскали? Твоя раритетная краля здесь всю свою красоту враз попортит. Да и сам ты нужную могилку никак не сыщешь. То, что когда-то называлось тамошним кладбищем, давно кончилось. Все кресты погнили, все холмики тамошние сравнялись с землей. В общем, заворачивай оглобли подбру-поздорову.

— Понял, понял! Извините... — взволнованно, виновато отозвался Георгий Владимирович. — Зря, выходит, ехал? Нет, так не пойдет. Это неправильно будет. Я обязан найти какой-то выход из всей этой фантастасматогории! — Шаталов внимательно огляделся по сторонам. И его, кажется, осенило: — Условия вроде не подходящие... А коли других нет? И может быть, оно и хорошо, что так, что именно так. Словно как символ всего доброго и прекрасного, но порушенного! В общем, господа, я предлагаю нам здесь и сейчас коллективно помянуть моего деда!

— Оно вроде и ничего... А почему бы нет? Если с душой, так по уму и будет все нормально... — снисходительно усмехнулся тракторист и вдруг отчаянно-весело, чуть ли не в крик, гордо запел торжествующим, маршевым голосом. Голос был красивый, легкий на подъем, раздольный и счастливый:

Вновь богачи разжигают пожар,
Миру готовят смертельный удар.
Но против них миллионы людей:
армия мира всех сильнее!

Мотив этот и слова были хорошо знакомы Георгию Владимировичу. Он в детстве всегда пел ее (вернее, кричал взахлеб) с табуретки перед родительскими гостями в годовщину Великой Октябрьской революции. Оно и запомнилось невольно на всю жизнь. А всего остального словно и не было. Ни в чьей жизни...

— Прошу всех к моей машине! — когда умолкла песня, взволнованно, со слезой проговорил Шаталов. — Я достаточно взял и водки хорошей, и закуски.

Водка и закуска, в самом деле, оказались отменные. Особенно, если учесть, что они, как на волшебной скатерти-самобранке, объявились в щедрой множественности среди здешних бескрайних мертвенно-черных полей. Казалось, они, эта толпа, последние люди на этой планете. И помянут с поклоном некогда бывшую на ней жизнь...

Тракторист, весело поморщившись, главенственно оглянулся на своих ездоков.

— Что скажете, народ?

— Оно бы не помешало... — тихо, глухо отозвались люди, словно медленно возвращаясь к жизни.

Некоторые как бы и улыбнуться хотели такой счастливой дармовой

оказии, но ни у кого толком это не получилось. Как бы там ни было, но достойным поминкам не помешал ни вдруг напористо развернувшийся среди вольных просторов крученый-верченый ветрила, ни вновь рухнувший ядерный дождь: наш человек способен достойно помянуть в любых, самых неблагоприятных обстоятельствах, как погодных, так и иных прочих...

Возвращаясь, уже у подъезда, как бы вдруг самостоятельно и предупредительно открывшего ему свою тяжелую металлическую дверь, Георгий Владимирович неожиданно увидел в проеме человека. Вернее сказать, солдата.

Кто только не выходил за последние шестьдесят лет из этого дома. Само собой, жильцы, родня или просто знакомые, потом же почтальоны, слесаря, разные мастера на все руки, а также полиция, врачи и даже однажды их посетил перед выборами самый настоящий депутат областной Думы.

Солдат в эти двери вышел впервые. Правда, прежде пропустив вперед себя отчаянно счастливую девушку. Это была Аня из здешней шестнадцатой квартиры. Из себя вся такая очень даже миленькая и, ко всему, романтично, пылающе рыжая. Отец ее нигде не работал и устойчиво пил, мама была главным бухгалтером в какой-то религиозной секте — вся из себя строгая и поспешная, она держалась особняком, как и полагается человеку, достигшему доступа к высшим силам и странного происхождения немалым деньгам.

— Здравсьте... — дерзко проговорила Аня, не переставая вызывающе улыбаться.

Кажется, более огорченной и одновременно словно бы назло всем отчаянно счастливой девушки Георгий Владимирович до сих пор не встречал.

— Здравствуйте! — вежливо, но строго, почти сурово проговорил солдат Шаталову.

Георгий Владимирович тотчас узнал в нем Гришу из той самой квартиры, которую ему недавно пришлось посетить среди ночи.

— Простите еще раз за все, что тогда произошло. За Джека простите... — глухо проговорил солдат Гриша.

— Здравствуй, дорогой... — растерянно отозвался Шаталов, как бы даже любясь сейчас этим молодым человеком в новой и так серьезно смотревшейся на нем военной форме.

— Я повторно повестку получил. Понимаете, какую. И больше не стал чудить. Это наша с Вами тогдашняя встреча так сказалась. И смерть Джека. Вот идем сейчас с Аней в ЗАГС. Мы два года встречались, а теперь решили перед моим отъездом в Донбасс больше не откладывать на потом! — строго сказал Гриша. С особенной, суровой интонацией на слове «потом».

— Я так счастлива! — чуть ли не со слезами, правда, несколько не похожими на слезы счастья, атакующе вскрикнула Аня.

Да, явно весь мир был виноват перед ней. А если это так на самом деле?

— Быть добру, милые вы мои! — емко, душевно отозвался Шаталов и хотел по-мужски хватко обнять Гришу, но как-то это у них не получилось. Наверное, потому что сзади нетерпеливо напирала молодежь, спешившая проводить будущих молодых супругов в ЗАГС.

Так что Шаталов и Гриша ограничились основательным мужским рукопожатием.

— Хватка у вас еще мощная! — уважительно сказал Гриша.

Георгий Владимирович уныло отмахнулся.

Кстати, Шаталов читал недавно на новостном сайте, что воронежские ЗАГСы в связи со спецоперацией увеличили время своей работы, и за несколько дней в экстренном порядке уже зарегистрировали более восьмисот браков наших девушек с мобилизованными. В любом случае, это число небывалое, многое что о себе говорящее.

«Здорово! По-настоящему! По-нашему! — с восторгом подумал Шаталов. — Как тут таких наших невестушек с подвигом декабристок вровень не поставить?!»

В подъезде Шаталов мельком глянул на свой почтовый ящик. Уже достаточно давно в том ничего не было. Раньше туда вполне активно всякие разные разносчики прессы и квитанций совали ни для чего не годящиеся газеты, брошюры. Теперь как отсекло. Все и вся переместилось в интернет, а также на стены возле подъездной двери.

Тем не менее, на этот раз в его ящике нечто смутно белело, заявляя о себе через три специальных отверстия в металлической дверце.

«Что это может быть? — безразлично подумал Георгий Владимирович. — Чушь какая-нибудь несусветная. Пусть там и валяется. До морковкиной загоди».

Только пройдя вверх первый пролет, он вдруг так-таки остановился.

«Я ничего не жду? Кажется, нет. А из Москвы? Из министерства? Может, какому-никакому иногороднему диссертационному совету я вдруг ни с того, ни с сего потребовался? Маше явно и в голову не придет слать отцу письмо. Она, наверное, уже ручку разучилась в руках держать».

Он хотел идти дальше, но, напряженно выдохнув, так-таки медленно вернулся назад.

«А вдруг все-таки Маша мне что-то настрочила, не доверяя интернету?»

В узком пространстве почтового ящика, свернувшись трубочкой, лежало нечто из весьма плохонькой второсортной бумаги. Таких неприглядных с виду извещений Шаталов отродясь не получал.

Он чуть ли не с брезгливостью развернул бумажку. Выглядела она при всем при том по многим признакам достаточно официально.

Это оказалась повестка. И это была повестка из военкомата, предписывающая Георгию Владимировичу Шаталову незамедлительно явиться в районный комиссариат.

«Интересно, интересно... — напряженно подумал профессор. — Чем я могу им быть сейчас полезен? Неужели туда уже нужны и бывшие полковые библиотекари?.. Или профессора потребовались? А почему бы и нет?»

Кто бы видел сейчас со стороны его короткую, почти мгновенную и явно глуповатую улыбку.

Повестку, вообще-то, должны были под роспись вручить лично ему. Шаталов это знал. Так что он имел полное право на такой документ из военкомата никак не реагировать.

«Нет-нет! — тотчас одернул он сам себя. — Глупости! Там у людей сейчас запарка. Какие претензии можно к ним предъявлять? Разве что посочувствовать. Конечно же, я пойду. Не пристало тут мне цепляться за буковку закона. Меня сегодня вон целый день не было дома! На могилу к

дедушке ездить изволил. Вот бы этот человек из военкомата сидел на холдных ступеньках в подъезде и ждал невесть чего, как Аленушка на картине Васнецова. Пойду, пойду! Немедленно. Если это и ошибка, надо все равно помочь им разобраться. А как вдруг я так-таки нужен там? Хотя бы как человек, знающий все об авиационных двигателях! Это мой долг! Как ни умаляй — священный! В конце концов, я присягу давал!»

Немедленно пойти не вышло. На дворе — вечер, на седьмой час время перетекло.

Утром он прямой прямого эдаким молодцом стоял в кабинете ректора и восторженно рассказывал тому подробности всех обстоятельств с повесткой, включая, естественно, эксклюзивное поминание деда Ильи на границе какой-никакой цивилизации и непроходимого матерого черноземного океана.

— Не горячитесь, дорогой Георгий Владимирович. Не горячитесь... — время от времени, пусть и сдержанно, но при этом наставительно говорил ректор. — Я все сам улажу. Не рвитесь в бой! Наши полковники с военной кафедры позвонят в военкомат и по-свойски недоразумение с вашей повесткой снимут раз и навсегда.

— Простите, дорогой Леонид Леонидович, а вот это делать как раз нежелательно! Весьма нежелательно... — вновь и вновь загорячился Шаталов. — Возможно, это мой последний шанс! Почувствовать себя причастным к священным заветам предков! Родина — мать, умей за нее постоять! Леонид Леонидович! В мои-то годы почувствовать себя полезным в борьбе с безумным врагом!

— Я разберусь, разберусь сам... — строго-сосредоточенно отвечал ректор.

Когда Шаталов шел к себе, почти никто его в университетских коридорах не приветствовал: его просто-напросто не узнавали. Георгий Владимирович шагал с непривычным для него счастливым напором, а по лестницам взлетал вприпрыжку, играючи — студентов на раз оставляя позади.

Когда Шаталов так взвихренно вписался в емкое пространство аудитории, никто из его студентов, собравшихся на лекцию о влиянии сверхзвука на конструкцию самолета, не поспешил вставать. Все посчитали, что это какой-то посторонний препод с другой кафедры к ним случайно заскочил. Как им было угадать своего любимого неспешного семидесятилетнего профессора, когда некто с юношеским румянцем на щеках и острым, прицельным взглядом не вошел в аудиторию, а вбежал, еще точнее — влетел, дерзкими зигзагами паря над ковравыми дорожками.

После занятий Георгий Владимирович под напором этого озорного настроения оставил «волжанку» на университетской стоянке. Он выбрал себе для обратного пути домой любимую с давних пор, еще студенческих, дорогу — через здешний немалый о двенадцати гектарах дендропарк, нынче весь дерзко-рыжий из-за скрюченной жесткой листвы осенних каштанов. Они просто-таки металлически скрежетали под ногами.

Вдруг на пути у Шаталова над головой золотисто-черная белка стремительной дугой юрко перелетела с одного дерева на другое.

Он не удержался и побежал ей вслед. Она как бы играючи вела его в самую загадочную, чуть ли не таинственную парковую глубину. Как в иной, неведомый и такой заветный мир...

Белка не унималась и напористо, бросок за броском пронизывала парк своими азартными прыжками. И Шаталов, увлекшись, не отставал от нее. Пробежав так с полкилометра, он, наконец, сбавил шаг и прощально устало помахал белке рукой.

Лихорадочно отдуваясь, он сел перевести дыхание на холодную мокрую скамью. Еще и отодвинул в сторону от себя как видно оставшиеся после студентов пивные банки и пачку недоеденных чипсов.

Откинул голову и улыбнулся небу...

Так, улыбающимся, его следующим утром и нашли в парке спешившие на первую пару студенты из здешнего общежития. Несмотря ни на что, замершая на лице Георгия Владимировича улыбка выглядела живой и монументальной.

Узнав об этом печальном событии, военком, учитывая повестку, присланную Шаталову по чьей-то нелепой ошибке, распорядился похоронить профессора на главном городском кладбище с воинскими почестями. С троекратным ружейным салютом.

И тот грянул.

